

оригинальная статья

eLibrary EDN: KUIDDL

Есть ли место ценностям в правосудии?

Лавренюк Илья Константинович

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург

eLibrary Author SPIN: 3776-8805

<https://orcid.org/0009-0000-9102-3993>ilya.lavrenyuk.law@gmail.com

Аннотация: С первого взгляда ценностный дискурс в юриспруденции кажется проблемой исключительно политико-правового характера. Несмотря на очевидное влияние ценностей на убеждения и, как следствие, поведение юристов-практиков, это влияние часто оказывается скрытым для самих носителей профессионального правосознания. Обращение к ценностям в праве часто ассоциируют с естественно-правовым типом правопонимания, а некоторые сторонники юридического позитивизма считают такое обращение недопустимым. Актуальность проблемы подтверждается тем, что в последние годы значительно возросло число сторонников ценностного обоснования судебных актов. Отмеченная тенденция требует более глубокого осмысления опасностей, о которых предупреждают критики аксиологической аргументации в праве. Не менее важной проблемой остается определение инструментов и способов разрешения коллизий юридически значимых ценностей. Цель – проанализировать различные функции, которые выполняют ценности в правосудии. Методологию исследования составляют формально-юридический (догматический) метод и метод анализа. Сделан вывод о том, что ценности выступают в качестве: (а) элемента «судебного взвешивания», (б) критерия установления юридических фактов, (в) субсидиарного праву социального регулятора, (г) вспомогательного инструмента толкования правовых норм. Также сделан вывод о том, что само существование судебной усмотрения предполагает апелляцию к ценностям. При этом данный тезис не вступает в противоречие даже с эксклюзивным юридическим позитивизмом.

Ключевые слова: правоприменение, ценность, норма права, юридический позитивизм, естественное право, судебное взвешивание

Цитирование: Лавренюк И. К. Есть ли место ценностям в правосудии? *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2026. Т. 10. № 1. С. 153–161. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-1-153-161>

Поступила в редакцию 28.10.2025. Принята после рецензирования 18.11.2025. Принята в печать 19.11.2025.

original article

Does Justice Have a Place for Values?

Ilya K. Lavrenyuk

Saint Petersburg State University, Russia, St. Petersburg

eLibrary Author SPIN: 3776-8805

<https://orcid.org/0009-0000-9102-3993>ilya.lavrenyuk.law@gmail.com

Abstract: The discourse of moral values in jurisprudence is both a political and a legal issue. Moral values influence human beliefs and, consequently, the actions of lawyers, who are hardly aware of that influence. Appeals to moral values in court are often associated with the natural law theory, whereas legal positivism considers this appeal unacceptable. However, the recent years have seen a significant increase in the number of proponents of value-based justification for judicial acts. This trend requires a deeper reflection on the dangers warned about by the critics of axiological approach. No less important is the problem of determining the spectrum of tools and methods for resolving collisions between legally relevant values. Using the formal-legal (dogmatic) method and the analysis method, the author analyzed various functions that moral values perform in the sphere of law and justice. In law, values proved to act as (a) elements of judicial evaluation, (b) criteria for assessing legal facts, (c) social regulator, subsidiary to law, (d) auxiliary instruments for interpreting legal norms. While the very procedure of judicial discretion already implies a certain axiological aspect, this thesis does not contradict even the most exclusive legal positivism.

Keywords: law enforcement, value, legal norm, legal positivism, natural law, judicial weighing

Citation: Lavrenyuk I. K. Does Justice Have a Place for Values? *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, 2026, 10(1): 153–161. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-1-153-161>

Received 28 Oct 2025. Accepted after review 18 Nov 2025. Accepted for publication 19 Nov 2025.

Введение

Чтобы столкнуться лицом к лицу с понятием ценность, юристу не обязательно обращаться к справочной или научной литературе. Уже в Конституции Российской Федерации¹ этот термин можно встретить не только в материальном смысле (в значении имущества, подлежащего хранению в иностранных банках), но и в духовном (нематериальном) аспекте.

В ст. 2 Конституции России декларируется, что человек, а также его права и свободы являются не просто ценностью, а ценностью высшей. На основании данных положений Председатель Конституционного Суда РФ делает вывод о существовании системы и иерархии конституционных ценностей [1, с. 3]. Мнение о различной значимости основных и иных конституционных ценностей поддерживает и В. В. Мамонов [2, с. 128].

Но предполагает ли юридическая значимость ценностей обращение к ним при осуществлении правосудия? Какие функции ценности выполняют в процессе судебного правоприменения? В пользу какого права человека следует сделать выбор в случае их коллизии, если указанные права сами по себе являются высшей ценностью? Допустимо ли устранение противоречий между ценностями методами решения нормативных коллизий? И зависят ли ответы на перечисленные вопросы от приверженности определенному типу правопонимания?

Цель исследования – проанализировать различные функции, которые выполняют ценности в правосудии.

В работе использовались формально-юридический (догматический) метод и метод анализа.

Результаты

Нормативные и ценностные коллизии

Несмотря на поддержку тезиса о системной взаимосвязи конституционных ценностей, Г. А. Гаджиев не отрицает существование ценностных коллизий [3, с. 17–22]. А. В. Поляков также отмечает, что даже зафиксированные в Конституции ценности могут вступать в коллизии между собой, что проявляется

в конфликте инновационных и традиционных ценностей [4, с. 14–19]. Традиционные ценности, несмотря на ряд особенностей, прежде всего, являются видовым понятием по отношению к родовому – ценностям в целом [5, с. 300]. Доминирование традиционных ценностей в общественном сознании А. В. Поляков связывает с их историческим «возрастом» и авторитетом. Однако с ценностями, не относящимися к традиционным, традиционные ценности имеют тесную взаимосвязь и обладают свойством взаимозаменяемости².

Одно лишь отнесение ценности к традиционной само по себе не предопределяет ее более высокое положение по отношению к иным ценностям. Точно так же не имеют приоритета и более поздние «инновационные ценности». Следовательно, в отличие от коллизии правовых норм, противоречие между ценностями не может по аналогии быть решено правилом дерогации *lex posterior derogat legi priori*. Но имеют ли приоритет ценности, закрепленные в правовом акте большей юридической силы или же в специальном правовом акте?

Вне зависимости от того, считаем ли мы ценности социальным конструктом, создаваемым властью [6, с. 64], результатом исторического развития и поиска общественных компромиссов [7, с. 46–47] или признаем их априорной и неизменной данностью, имманентной этому миру, появление ценности не всегда обусловлено ее упоминанием в правовом акте. Законодатель стремится делать отсылки на уже сформировавшиеся ценности, используя их для достижения того или иного результата, направляя правотворческую и правоприменительную деятельность по определенному политическому пути [8, с. 21–22].

Зачастую в разных по юридической силе актах может содержаться отсылка на одну и ту же ценность. Например, относимая к ценностям *нравственность* встречается в ч. 3 ст. 55 Конституции России, статьях 169, 181.5 Гражданского кодекса Российской Федерации³ (ГК РФ), п. 5 «Основ государственной

¹ Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. СПС КонсультантПлюс.

² Поляков А. В. Право, справедливость, традиционные ценности: коммуникативный подход. Тезисы к докладу на семинаре № 10 ученого совета Института Философии 17.10.2019. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2019/tezisy_4.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

³ Гражданский кодекс РФ (часть первая) № 51-ФЗ от 30.11.1994 (ред. от 31.07.2025). СПС КонсультантПлюс.

политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», утвержденных указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809⁴, и некоторых других актах.

Но ценность от такого закрепления не мультиплицируется и не меняется, в отличие от нормы права. В свою очередь, как отмечает и показывает на примерах А. А. Краевский, закрепление одинаковой по текстуальному выражению и содержанию нормы права в акте большей и акте меньшей юридической силы имеет различные последствия для правовой системы [9, с. 154–155]. Потому и правила дерогации применимы именно к правовым нормам, отражающим те или иные ценности, но не к самим ценностям.

Однако, если мы признаем наличие ценностных коллизий даже в Конституции России и испытываем трудности с применением правил дерогации для их разрешения, создает ли это угрозу единству права? Как нам кажется, не создает, поскольку повышенная степень абстрактности правового текста, свойство гибкости и динамичности содержания норм Конституции не должны низводить ее исключительно до «системы ценностей». Внутренне непротиворечивой Конституция является в силу отсутствия коллизий между содержащимися в ней правовыми нормами и принципами, отсылающими к ценностям. А уже эти ценности образуют самостоятельную аксиологическую систему, не отождествляемую с нормативной, но тесно с ней связанную.

Ценность как элемент «судебного взвешивания»

Концепция Конституции как «системы ценностей», как отмечают В. Е. Кондуков и Е. В. Тимошина, имеет тесную связь с неопозитивистскими учениями (антипозитивизм Г. Радбруха, неотомизм Г. Дюринга, интегрализм Р. Сменда), служащими обоснованием конвертации правовых принципов (в том числе прав человека) в ценности для удобства осуществления «судебного взвешивания» Р. Алекси [10, с. 51].

Одним из главных критиков «судебного взвешивания» ценностей выступает Ю. Хабермас, который указывает на опасность принятия иррациональных решений в случае игнорирования нормативных аргументов. Ученый считает, что противоречия между правами человека не могут быть решены методом «взвешивания», но подлежат урегулированию догматическими правилами устранения нормативных коллизий [цит. по: 11, с. 55].

Однако в случае коллизии между правами человека, предусмотренными Конституцией, в силу единого акта закрепления прав невозможно применить правила

дерогации, связанные с большей юридической силой, более специальным характером или более поздней датой принятия нормативного акта. Потому, несмотря на последовательную критику, нередко случаи закрепления в современном позитивном правопорядке элементов метода «судебного взвешивания».

Так, ч. 3 ст. 55 Конституции России вводит критерий меры допустимого ограничения федеральным законом прав и свобод человека, сводимый к цели защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Если права человека ценностью называет сама Конституция, то все остальные объекты защиты к конституционно значимым ценностям регулярно относит Конституционный Суд РФ (см., например, Постановления Конституционного Суда РФ от 01.04.2003 № 4-П; от 02.07.2024 № 34-П и др.).

Но можно ли утверждать, что правовая система современной России тяготеет к юснатурализму или инклюзивному юридическому позитивизму, поскольку позволяет правоприменителю в качестве критерия конституционности и, как следствие, действительности норм права использовать ценности, в том числе нравственность и мораль?

Мы склонны считать, что нет. Юснатурализм (как и учения, основанные на «мягком разделительном» или «мягком соединительном» тезисе) не определяется тем, что правоприменительное решение может быть вынесено при использовании ценностей, заменяющих нормы права. Классический юснатурализм предусматривает существование объективной, неизменной и действующей повсеместно системы естественно-правовых норм, несоответствие которой не позволяет называть ту или иную нормативную систему «правом» [12, с. 70]. В силу обоснованности универсальной моралью естественно-правовой порядок не может быть несправедливым и аморальным, а также скованным изменчивой волей человека [13, с. 7]. Справедливое правоприменительное решение для юснатуриста основывается на нормах разумной и моральной правовой системы, а не просто на соотношении ценностей (в том числе морали и нравственности), которое носит ситуативный характер и каждый раз рассматривается *ad hoc*.

Таким образом, использование ценностей при «судебном взвешивании» не является «маркером» юснатурализма или инклюзивного юридического позитивизма, но сопряжено с определенными рисками для правосудия. Ценностное обоснование

⁴ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Указ Президента РФ № 809 от 09.11.2022. СПС КонсультантПлюс.

правоприменительных решений органа конституционного нормоконтроля опасно возможностью закрепления нового баланса ценностей, отличающегося от определенного правотворцем [14, с. 128]. При этом решения Конституционного Суда России являются окончательными и не подлежащими обжалованию.

В полной мере указанные риски проявляются не в связи с вмешательством ценностей в процесс правоприменения, а в связи с отказом от классической юридической методологии нормативного обоснования решения [10]. Однако механизм ч. 3 ст. 55 Конституции России направлен на снижение данных рисков.

Во-первых, прежде чем прибегнуть к «судебному взвешиванию», необходимо установить отсутствие к тому нормативных преград. Например, никакие ценности не являются основаниями ограничения «абсолютных конституционных прав», к которым относится, в частности, право на судебную защиту (Постановление Конституционного Суда РФ от 03.05.1995 № 4-П, от 13.06.1996 № 14-П и др.). Также никакая ценность не может обосновать ограничение прав человека каким-либо актом, кроме федерального закона (Постановление Конституционного Суда РФ от 23.02.1999 № 4-П, п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16).

Во-вторых, конституционно значимые ценности должны толковаться системно через призму позитивного правопорядка, подобно тому, как в процессе правоприменения дается оценка доказательствам по делу и устанавливаются факты, включенные в предмет доказывания. Как отмечает В. Д. Зорькин, ценности получают правовую защиту тогда, когда они выступают в «правовом облике» [1, с. 3]. Отнесение прав человека к объектам «взвешивания» делает обязательным обращение к нормам права, формирующим «смысловое ядро» того или иного права человека.

В-третьих, ограничение прав человека, имеющее в том числе ценностное обоснование, должно быть справедливым, адекватным и пропорциональным, носить общий и абстрактный характер, не иметь обратной силы и не затрагивать само существо конституционного права (Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 № 6-П и др.).

Все перечисленное не гарантирует полную защиту от произвольного толкования и применения права. Однако в процессах правотворчества и контроля за его результатами возникают ситуации, когда, кроме норм, уполномочивающих сами компетентные органы, нормативная система не будет содержать подлежащих применению правил. Тогда установление баланса

интересов на основании ценностных представлений оказывается неизбежным. Потому А. В. Поляков считает необходимым проводить научные исследования юридически значимых ценностей, чтобы избежать опасности подмены «высших правовых ценностей» волей органов власти [15, с. 11].

Помимо правотворческого и конституционного процесса, «взвешивание» ценностей осуществляется при разрешении спора в ситуации пробела в праве (законе). Может показаться, что в силу индивидуального характера судебных предписаний применение методов аналогии закона и права не создает серьезных рисков изменения баланса ценностей, установленного законодателем. Тем более законодатель может устранить пробел в праве, освободив судей от необходимости восполнять нормативную лауну и взвешивать ценности *ad hoc*.

Однако необходимость применения аналогии закона или права в конкретной ситуации может быть закреплена в судебном интерпретационном акте (акте разъяснения законодательства). За счет общеобязательности толкования из интерпретационного акта первоначально однократный характер восполнения пробела фактически приобретает нормативный эффект, сравнимый с результатами правотворчества.

Например, в обзоре законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 2009 г., утвержденном постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 03.06.2009, содержится указание на необходимость применения нормы абз. 8 ст. 222 ГПК РФ по аналогии закона в вопросах распределения судебных расходов при возвращении иска⁵.

Правовые позиции из обзоров судебной практики, утверждаемых Президиумом Верховного Суда РФ, являются обязательными для судов, что подтверждается, в частности, разъяснениями из постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 12 и № 13. Обязательным для нижестоящих судов является и толкование из постановлений Президиума Верховного Суда РФ, принятых по конкретным делам в надзорном производстве (Постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2017 № 24-П).

Некоторые ученые относят такие постановления к обязательным интерпретативным прецедентам, содержащим нормативное толкование, но не новые правовые нормы [16, с. 129]. В свою очередь применение судом надзорной инстанции аналогии закона или права автоматически делает использование данного механизма обязательным для нижестоящих судов в схожих ситуациях. В силу отсутствия правовой нормы, регулирующей спорные отношения, суд

⁵ Гражданский процессуальный кодекс РФ № 158-ФЗ от 14.11.2002 (ред. от 31.07.2025). СПС КонсультантПлюс.

создает новую норму права (фактически носящую не индивидуальный, а общеобязательный характер), что приводит к взвешиванию и установлению баланса ценностей.

Ценность как критерий установления юридических фактов

Однако в процессе правоприменения ценности продолжают выполнять определенные функции даже в том случае, если они уже были сбалансированы законодателем. Например, в соответствии со ст. 169 ГК РФ ничтожной является сделка, цель совершения которой заведомо противоречила основам правопорядка и нравственности. Аналогично, согласно нормам ст. 181.5 ГК РФ, ничтожным является решение собрания, противоречащее все тем же основам нравственности и правопорядка.

Федеральный законодатель уже «взвесил» ценность свободы договора и основ нравственности. Потому правоприменитель не уполномочен на применение инструмента «судебного взвешивания» при признании сделок и решений собраний ничтожными или действительными. В его руках ценность основ нравственности играет уже другую роль – роль критерия установления юридического факта.

Если судьей обнаружен факт противоречия целей совершения сделки или решения собрания основам нравственности, то судья беспрекословно обязан применить нормы права и признать спорный акт ничтожным. Однако абстрактность неписанных норм нравственности, подобно «методу взвешивания», порождает угрозы единообразию правоприменения. Вряд ли может быть достигнуто полное согласие между всеми судьями касательно того, что следует относить к основам нравственности, а что к «периферийным» нравственным нормам.

Тем не менее Конституционный Суд РФ в Определении от 08.06.2004 № 226-О не согласился с тезисом подателя жалобы о возможности произвольного толкования и применения норм ст. 169 ГК РФ. Конституционный Суд объяснил, что само по себе различное наполнение и толкование судьями оценочных понятий в контексте разных фактических обстоятельств не препятствует единообразию правоприменения при наличии сходных обстоятельств дела.

Кроме того, возможность существования подобных требований относительной (позитивной) морали к позитивному же правопорядку не отрицали и некоторые эксклюзивные юридические позитивисты, в том числе Е. В. Булыгин [12, с. 72]. Нормы нравственности, или общественной морали, свойственные тому или иному обществу, могут быть в достаточной степени определенными и общеизвестными. Тогда даже для эксклюзивного юридического позитивиста

ссылка в правовых нормах на такие общепризнанные ценности не будет восприниматься чем-то чужеродным и сильно отличающимся от указания на любое иное конкретное жизненное обстоятельство.

Абстрактный и даже неписанный характер свойственен не только «основам нравственности», но в том числе и правовым обычаям. С тем, что правовые обычаи являются внешней формой выражения правовых норм, в научном сообществе мало кто спорит. Более того, законодательство России санкционирует правовой обычай в качестве источника права в формально-юридическом смысле. Статья 5 ГК РФ вводит понятие обычая в области гражданско-правовых отношений. Закон прямо говорит, что действительность такого обычая не зависит от фиксации его содержания в каком-либо документе.

В силу того, что нравы и правовые обычаи могут носить абстрактный характер, представлять собой повторяющиеся действия, не быть зафиксированными в письменных документах, наиболее очевидным (пусть и не единственным) отличием основ нравственности от правового обычая является убеждение человека в юридической обязательности последнего [17, с. 89]. Учитывая, что даже самые последовательные сторонники эксклюзивного юридического позитивизма признавали обычай в качестве источника права [18, с. 282–286], нелогично с их стороны было бы отрицать и возможность использования позитивным правопорядком основных норм позитивной (неуниверсальной) нравственности в качестве критерия установления юридических фактов.

Ценность как субсидиарный праву социальный регулятор

Правовые нормы являются результатом ценностного выбора правотворца, а их соблюдение обусловлено ценностью правил для их адресатов [19, с. 80]. Но является ли прямо не предусмотренное законом обращение судьи к ценностям допустимым с позиции эксклюзивного юридического позитивизма?

Ранее мы рассмотрели, как ценность становилась критерием установления юридических фактов в связи с прямым указанием на то позитивного правопорядка. Однако нередки случаи, когда судьи обращаются к ценностям как к факультативному социальному регулятору.

При условии применения юридического метода, отличающего правосудие от судебного произвола, такая функция ценностей в осуществлении правосудия не противоречит даже эксклюзивному юридическому позитивизму. Е. В. Тимошина отмечает, что юридический метод предполагает правовую квалификацию фактических обстоятельств путем соотношения индивидуального случая с описанием из гипотезы правовой нормы [14, с. 127]. К. Э. Альчуррон

и Е. В. Булыгин называли эту операцию индивидуальной субсумцией [20, с. 160–161]. Корректная юридическая квалификация во многих случаях предполагает несколько вариантов нормативных последствий, из которых судье необходимо выбрать только один.

Если правовая норма содержит относительно-определенную санкцию, а судом дана надлежащая квалификация деяния и соблюдены все правила назначения наказания, ему все еще необходимо определить размер санкции в пределах дискреции. Отягчающие и смягчающие ответственность обстоятельства, принципы справедливости и соразмерности наказания уменьшают пределы судебного усмотрения, однако крайне редко оставляют один единственный вариант правовых последствий. Абсолютно любой выбор в обозначенных узких границах будет отвечать требованиям позитивного права, но этот выбор все равно должен быть сделан. Более того, даже такие решения, основанные на судебном усмотрении, правоприменители стараются привести к единообразию.

Потому судьи закономерно обращаются к социальным регуляторам (в том числе признаваемым ценностями), субсидиарным по отношению к праву. Однако даже в ситуации, когда само позитивное право не запрещает использовать произвольные аргументы, многие правоприменители не рискуют указывать ценностные установки и регуляторы, которые легли в основу части принятого решения. Связано это с опасением, что судей обвинят в «неправовом» и, как следствие, неправомерном обосновании всего решения, влекущем его изменение или отмену. К сожалению, из-за таких опасений принятие судьями дискреционных решений оказывается менее прозрачным.

Подобно тому как дискурсивная природа законодательного процесса позволяет гражданину увидеть, какие ценности и интересы легли в основу того или иного правотворческого решения, а какие и по каким причинам были учтены, но не приняты [21, с. 229], упоминание ценностей, использованных в качестве субсидиарного праву социального регулятора, сделало бы правосудие более открытым и понятным для каждого. Однако если право законодателя руководствоваться ценностями редко отрицается, то ориентация судей на систему ценностей в том числе при принятии дискреционных решений подвергается критике как проявление судебного активизма [22, с. 141]. В свою очередь, как отмечает С. А. Белов, если обращение судей к ценностям не подменяет

собой толкование правовых принципов и норм, оно должно рассматриваться как неотъемлемая часть правоприменительного процесса [23, с. 80].

Ценность как инструмент толкования правовых норм

Функции ценностей в процессе сопоставления фактических обстоятельств дела и гипотез правовых норм (индивидуальная субсумция) нами уже были рассмотрены. Однако ценности принимают участие и в процессе установления логического соотношения между общими понятиями из формулировок правовых норм (родовая субсумция) [20, с. 161; 24, с. 224–225].

Прежде чем произвести юридическую квалификацию, необходимо установить значение подлежащих применению правил в их системной взаимосвязи. Одним из препятствий в этом процессе является неопределенность некоторых понятий (в терминологии Г. Харта «полутень спорных случаев») [25, с. 117]. В отличие от ситуаций, когда «смысловое ядро» нормы позволяет без сомнения определить, что имел в виду правотворец, в «ситуации полутени» правоприменителю приходится обращаться к целям и ценностям нормотворца (телеологическому толкованию) [5, с. 294]. Кроме того, упомянутые в правовых актах ценности могут быть учтены и в процессе системного толкования. Несмотря на то что ценности сами по себе имеют отличную от правовых норм природу, правоприменение не исключает возможности обращаться в том числе и к ненормативному содержанию правовых актов.

В Методических рекомендациях по юридико-техническому оформлению законопроектов (в редакции 2021 г.), утвержденных Государственной Думой Федерального Собрания РФ⁶, и в Правилах подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009⁷, указывается, что преамбулы нормативных правовых актов не должны содержать самостоятельных нормативных предписаний. Однако содержание преамбул нередко учитывается при системном толковании положений законодательства. То же справедливо и для указаний в правовых актах на существование тех или иных ценностей в конкретном обществе. Такое указание не имеет предоставительно-обязывающего характера, свойственного правовым нормам. Но судебная практика

⁶ Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов (ред. 2021 г.), утвержденные Государственной Думой Федерального Собрания РФ. СПС КонсультантПлюс.

⁷ Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации. Постановление Правительства РФ № 1009 от 13.08.1997 (ред. от 15.11.2024). СПС КонсультантПлюс.

все равно указывает эти положения в мотивировочной части решений и в том числе на их основании интерпретирует содержание взаимосвязанных норм права.

Заключение

Юридически значимые ценности могут образовывать самостоятельные системы, которые нельзя смешивать с системами нормативными. Однако это не означает отсутствие взаимосвязи между ценностями и правовыми нормами, которая отражается в том числе на правосудии. Существование органов конституционного нормоконтроля предполагает необходимость обращаться к «судебному взвешиванию» в ситуациях, когда отсутствуют подлежащие применению нормы права. При этом, будучи сопряженным с рисками волюнтаризма и судебного произвола, механизм «судебного взвешивания» не противоречит ни позитивистским, ни естественно-правовым, ни интегральным типам правопонимания.

Даже «твердый разделительный тезис» не исключает возможности обращения к ценностям в процессе толкования и применения права. Иногда такое обращение является обязательным в связи с требованиями законодательства, а ценности, получая конкретизацию через нормы позитивного правопорядка, становятся критерием установления юридических

фактов. В некоторых случаях суды обращаются к ценностям как к субсидиарному социальному регулятору или инструменту толкования, что не исключает необходимости использования юридического метода и осуществления надлежащего нормативного обоснования решения. Но до тех пор, пока существует судебское усмотрение, а правосудие не носит исключительно механистический характер, в скрытом или явном виде ценности продолжают влиять на его осуществление.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-00976 «Право и традиционные ценности: междисциплинарное исследование», <https://rscf.ru/project/24-28-00976/>

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 24-28-00976: Law and traditional values: An interdisciplinary study, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00976/>

Литература / References

1. Зорькин В. Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод. *Журнал российского права*. 2008. № 12. С. 3–14. [Zorkin V. D. Value approach to constitutional regulation of rights and freedoms. *Journal of Russian Law*, 2008, (12): 3–14. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oalrvl>
2. Мамонов В. В. Конституционные ценности современной России. *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2013. № 4. С. 125–132. [Mamonov V. V. The constitutional values of modern Russia. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi iuridicheskoi akademii*, 2013, (4): 125–132. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rsbtbx>
3. Гаджиев Г. А. Новые конституционные ценности: концепция устойчивого экономического роста с точки зрения юридической капитализации. *Журнал российского права*. 2022. Т. 26. № 1. С. 16–28. [Gadzhiev G. A. New constitutional values: The concept of sustainable economic growth from the legal capitalization perspective. *Journal of Russian Law*, 2022, 26(1): 16–28. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/jrl.2022.002>
4. Поляков А. В. Конституция России, традиционные ценности и основной принцип права. Конституция и общественный прогресс. *Вторые Прокопьевские чтения: Междунар. науч.-практ. конф.* (Калининград, 6–8 декабря 2018 г.) Калининград: БФУ им. И. Канта, 2019. С. 13–23. [Polyakov A. V. The constitution of Russia, traditional values and the basic principle of law. The constitution and social progress. *The second Prokopyev Readings: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Kaliningrad, 6–8 Dec 2018. Kaliningrad: IKBFU, 2019, 13–23. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gfbdrw>
5. Кропачев Н. М., Архипов В. В. Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте цифровой трансформации общества: теоретико-правовые аспекты. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2023. Т. 14. № 2. С. 294–306. [Kropachev N. M., Arkhipov V. V. Traditional spiritual and moral values in the context of digital transformation of society: Aspects of legal theory. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2023, 14(2): 294–306. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.201>

6. Честнов И. Л. Ценности в праве с позиций постклассической методологии. *Право и государство: проблемы методологии, теории и истории*: Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 10 мая 2018 г.) Краснодар: КрУ МВД России, 2018. С. 63–66. [Chestnov I. L. Values in law with the positions of postclassical methodology. *Law and state: Problems of methodology, theory, and history*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Krasnodar, 10 May 2018. Krasnodar: Kru MIA Russia, 2018, 63–66. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ytipal>
7. Бондарь Н. С. Конституция – ценностно-правовая основа разрешения социальных противоречий (в контексте практики Конституционного Суда Российской Федерации). *Сравнительное конституционное обозрение*. 2008. № 2. С. 46–58. [Bondar N. S. Constitution as a value and legal basis for resolving social conflicts: In the context of practice of The Constitutional Court of The Russian Federation. *Comparative Constitutional Review*, 2008, (2): 46–58. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ntoynb>
8. Белов С. А. Юриспруденция конституционных ценностей: происхождение, критика и защита от нее. *Вестник Московского университета. Серия 11: Право*. 2024. № 2. С. 3–31. [Belov S. A. Jurisprudence of constitutional values: Origin, criticism and defense against it. *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*, 2024, (2): 3–31. (In Russ.)] <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0113-11-65-2-1>
9. Краевский А. А. Индивидуальные нормы и логический вывод: теория правоприменения Е. В. Булыгина. In: Антонов М. В., Варламова Н. В., Васильева Н. С. и др. *Как возможна логика в праве?* СПб.: Алетейя, 2022. С. 149–163. [Kraevsky A. A. Individual norms and logical inference: The theory of law enforcement by E. V. Bulygin. In: Antonov M. V., Varlamova N. V., Vasilyeva N. S. et al. *How logic is possible in the law?* St. Petersburg: Aleteya, 2022, 149–163. (In Russ.)]
10. Кондуров В. Е., Тимошина Е. В. «Тирания ценностей» в конституционном и наднациональном правосудии. *Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы — 2020. Философия. Этика. Практика*: Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 19–21 ноября 2020 г.) СПб.: Сборка, 2020. С. 51–52. [Kondurov V. E., Timoshina E. V. The Tyranny of Values in constitutional and supranational justice. *Theoretical and applied ethics: Traditions and prospects 2020. Philosophy. Ethics. Practices*: Proc. Intern. Sci. Conf., St. Petersburg, 19–21 Nov 2020. St. Petersburg: Sborka, 2020, 51–52. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ltodle>
11. Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Балансирование ценностей и ценность балансирования (часть вторая). *Вопросы философии*. 2021. № 10. С. 53–64. [Gadzhiev G. A., Voinikanis E. A. Balancing of values and the value of balancing (part two). *Voprosy Filosofii*, 2021, (10): 53–64. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-10-53-64>
12. Булыгин Е. В. К проблеме обоснования прав человека. In: Булыгин Е. В. *Избранные работы по теории и философии права*. СПб.: Алеф-Пресс, 2016. С. 66–72. [Bulygin E. V. Substantiating human rights. In: Bulygin E. V. *The selected writings in theory and philosophy of law*. St. Petersburg: Alef-Press, 2016, 66–72. (In Russ.)]
13. Поляков А. В. Возможно ли возрождение идеи естественного права в России? *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2015. № 5. С. 6–16. [Polyakov A. V. Is revival of the natural law in Russia possible? *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, 2015, (5): 6–16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vzvopn>
14. Тимошина Е. В. «Тирания ценностей» как «воля к власти»: к генеалогии и последствиям ценностного дискурса в правосудии. *Социологическое обозрение*. 2023. Т. 22. № 3. С. 125–146. [Timoshina E. V. The "Tyranny of Values" as the "Will to Power": On the genealogy and effects of value discourse in justice. *Russian Sociological Review*, 2023, 22(3): 125–146. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-3-125-146>
15. Поляков А. В. Свободы и права человека – это тоже традиционная ценность. *Закон*. 2024. № 12. С. 8–16. [Polyakov A. V. Freedoms and human rights are also a traditional value. *Statute*, 2024, (12): 8–16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jpefqx>
16. Архипов В. В., Поляков А. В., Тимошина Е. В. Адаптация опыта систем прецедентного права к российской правовой системе: к постановке проблемы. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2012. № 3. С. 113–134. [Arkhipov V. V., Polyakov A. V., Timoshina E. V. Adaptation of precedent legal systems experience to the Russian legal system: A problem statement. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, 2012, (3): 113–134. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qakgyn>
17. Краевский А. А., Тимошина Е. В. Jus non scriptum: о действенности правовых обычаев и их применении российскими судами. *Социологические исследования*. 2020. № 12. С. 87–97. [Kraevsky A. A., Timoshina E. V. Jus non scriptum: On the efficacy of legal customs and their application by Russian courts. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 2020, (12): 87–97. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S013216250010660-9>
18. Кельзен Г. Чистое учение о праве, пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лезова. 2-е изд. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 542 с. [Kelsen G. *Pure theory of law*, tr. Antonova M. V., Lezova S. V. 2nd ed. St. Petersburg: Alef-Press, 2015, 542. (In Russ.)]

19. Поляков А. В. Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву. *Труды Института государства и права РАН*. 2021. Т. 16. № 6. С. 39–101. [Polyakov A. V. The principle of mutual legal recognition: Russian philosophical and legal tradition and communicative approach to law. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2021, 16(6): 39–101. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2021-16-6-polyakov>
20. Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Границы логики и аргументация в праве. In: Булыгин Е. В. *Избранные работы по теории и философии права*. СПб.: АЛЕФ-Пресс, 2016. С. 154–182. [Alchourron C. E., Bulygin E. V. Limits of logic and legal reasoning. In: Bulygin E. V. *The selected writings in theory and philosophy of law*. St. Petersburg: Alef-Press, 2016, 154–182. (In Russ.)]
21. Белов С. А. Способен ли рациональный дискурс обосновать ценностный выбор в праве? *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2014. № 5. С. 224–236. [Belov S. A. Can rational discourse justify values choice in law? *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, 2014, (5): 224–236. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tjxiqj>
22. Белов С. А. Ценностное обоснование решений как проявление судебного активизма Конституционного Суда Российской Федерации. *Сравнительное конституционное обозрение*. 2012. № 2. С. 140–150. [Belov S. A. The value-based approach to the Argumentation as a form of Judicial Activism of the Russian Constitutional Court. *Comparative Constitutional Review*, 2012, (2): 140–150. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/owvvnd>
23. Белов С. А. Роль ценностей в отправлении правосудия. *Российская юстиция*. 2024. № 12. С. 75–80. [Belov S. A. The role of values in the administration of justice. *Russian Justice*, 2024, (12): 75–80. (In Russ.)] https://doi.org/10.52433/01316761_2024_12_75
24. Тимошина Е. В., Краевский А. А. Критерии нормативности интерпретационных правовых актов в российской судебной практике. *Правоприменение*. 2022. Т. 6. № 4. С. 220–243. [Timoshina E. V., Kraevsky A. A. Criteria for the normativity of interpretative legal acts in Russian judicial practice. *Law Enforcement Review*, 2022, 6(4): 220–243. (In Russ.)] [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6\(4\).220-243](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(4).220-243)
25. Харт Г. Л. А. Позитивизм и разграничение права и морали. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2005. № 5. С. 102–136. [Hart H. L. A. Positivism and the separation of law and morals. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, 2005, (5): 102–136. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jzatsn>